

Вредная галиматья

Ц. ЛЕЙТЕНЗЕН

В ноябре 1935 г. высшая аттестационная комиссия Наркомпроса РСФСР под председательством т. Эпштейна утвердила в ученой степени доктора литературоведения О. М. Фрейденберг. Основанием для утверждения послужили отзывы двух профессоров и одного академика о диссертации Фрейденберг. В отзывах единодушно отмечались «огромная эрудиция», «ученость», «начитанность» автора, наличие большого «научного аппарата» в виде примечаний, указателей, цитат и т. д. Но главному вопросу—какие взгляды, какие идеи защищает в своей книге Фрейденберг, ни один из рецензентов не уделил внимания. Наркомпрос, утверждая в докторской степени, даже не заинтересовался тем, какую принципиальную позицию в вопросах литературоведения занимает Фрейденберг, какие положения выдвигает и защищает она в своей диссертации. Гослитиздат поспешил издать диссертацию Фрейденберг отдельной книгой¹⁾.

За какие же научные открытия утвердил Наркомпрос РСФСР в ученой степени О. М. Фрейденберг? Суть «ученого труда» Фрейденберг заключается в том, что она предлагает «устранить» античную литературу, объявляет «бессмыслицей» и «нелепицей» лучшие произведения мировой классической литературы.

Глубочайшее возмущение вызывают «откровения» Фрейденберг о Гомере. Маркс писал об эпосе Гомера, что он и в наше время сохраняет в известном смысле «значение нормы и недостижимого образа». Фрейденберг же утверждает, что «Одиссея» и «Илиада» Гомера лишены смысла, что это—«нелепица», никому не нужная стряпня. В «Одиссее», по ее мнению, ничего, кроме «убожества мысли», нет.

«Простая до убожества мысль («возврат на родину») осложнена до невероятия: подана абсолютно не-

правдоподобно и вопреки всякому смыслу» (стр. 40). Запутавшись в своих псевдо-научных мудрствованиях, Фрейденберг приходит к смехотворному выводу, что главную роль в поэмах Гомера играют... лошади. Она так и пишет:

«Анализ гомеровских поэм показывает, что основную роль в них играли кони» (стр. 259).

И даже: «Одиссей... сам есть конь» (там же).

В «Илиаде» Фрейденберг ничего, кроме описания драк и ссоры, не увидела. Вот как излагается ею сюжет «Илиады»:

«Богов множество, и они дерутся, воюют, ссорятся, злобствуют; фабула ничем, так сказать, не начинается и ничем не кончается... Таких странных поэм, как «Илиада», циркулировало так же немало, как и поэм типа «Одиссеи»... (стр. 41).

Обнаружив в подобном «анализе» полное убожество мысли, автор «Поэтики сюжета и жанра» предлагает в качестве самого «простого» выхода, гениальные произведения Гомера... «устранить».

Она пишет: «Очевидно, в сознательном стряпаньи таких произведений никто не был заинтересован... зачем потрачено столько добросовестности и дарования на то, чтобы упорядочить нелепицу, которую гораздо легче устранить, а еще проще не создавать» (стр. 41).

С такой же бесцеремонностью раздвигается Фрейденберг с трагедиями Софокла, Эсхила, Еврипида, с комедиями Аристофана:

«Все эти вещи нельзя назвать осмысленными с точки зрения их функционирования в античной литературе,—пишет она,—мы не можем, по существу, ни понять их назначения и связи, ни перестать им удивляться» (стр. 46).

Вся эта галиматья преподносится читателю в качестве «новейших» и «наиболее передовых» выводов современного литературоведения. А бывший

заместитель наркома просвещения РСФСР т. Эпштейн собственной подписью под постановлением об утверждении Фрейденберг в ученой степени доктора утвердил, что это и есть подлинная наука!

Учинив расправу над античной литературой, Фрейденберг не оставляет без внимания и более поздние произведения мировой литературы. Вот, например, Шекспир. По свидетельству Лафарга, Маркс считал Эсхила и Шекспира «двумя величайшими драматургическими гениями, каких только рождало человечество. Шекспира, которого он почитал безгранично, Маркс сделал предметом самого обстоятельного изучения и знал самых незначительных действующих лиц его драм».

Но Фрейденберг пытается доказать в своем «ученом исследовании», что ничего нового Шекспир не создал. Так же, как Данте, Боккаччо, Рабле, Сервантес и другие, Шекспир получил в наследство от первобытного человека несколько метафор.—метафора безумия, метафора блуда, метафора брака, метафора сквернословия, метафора смерти-воскресения и т. п.—и занимался только тем, что «переоформлял» эти метафоры.

Для большей наглядности приводится в пример «Укрощение строптивой» Шекспира:

«Центральный момент в Укрощении у Шекспира и состоит в том, что герой разбивает обеденную посуду» (стр. 349).

Метафора разбивания посуды—вог, оказывается, где ключ к пониманию драмы Шекспира!

«И конь, и разбиваемая посуда, и пьяный гусар—все сюда! Ведь именно разбивание посуды есть свадебный архаичный обряд... Именно жених, и именно пьяный жених, разбивает посуду... Конь, как жених, или жених, как конь; архаичный образ, законно оставшийся в сюжете об укрощении, где женская роль первоначально у кобылицы»... (стр. 350). Подобного рода «анализ» «Укрощения строптивой» продолжается на 26 страницах. Вывод следующий:

Метафора укрощения равна метафоре «любовного соединения». Но в представлении первобытного человека,—уверяет Фрейденберг,—«любовное соединение» и смерть—одно и то же. Следовательно,

«укрощение есть такая же метафора для передачи образа смерти, как и любовное соединение» (стр. 354).

Следовательно, сюжет «Укрощения строптивой»

«представляет собою развернутый один образ рождающей смерти» (стр. 359).

Эта мистическая чепуха в книге Фрейденберг отнюдь не случайна. В таком же духе «анализируются» все величайшие произведения мировой литературы. Для каждого произведения отыскивается соответствующая «метафора», большей частью мистико-религиозного или эротического характера. Затем посредством нескольких софизмов доказывается, что великий писатель ничего значительного не создал, что сюжет его произведений был создан еще первобытным человеком. Таково основное «научное» открытие Фрейденберг. При этом в числе источников, дающих ей «самые достоверные» сведения о первобытном человеке, она указывает... евангелие, псалтирь и поповские богослужения, например, православную литургию.

Особенное негодование вызывают у Фрейденберг античная сатира и комедия. Это «низменная» литература, в этой литературе «о царях и помина нет», для нее актуальны... «скорняки и колбасники, вырывающие друг у друга власть» (стр. 299). Фрейденберг уверяет, что ничего, кроме грязи и порнографии, в античной сатирической литературе нет.

Греческого сатирика Лукиана, высмеивавшего религию и религиозную обрядность, Энгельс называл «Вольтером классической древности», а сердитая классная дама в его произведениях не увидела ничего, кроме «скабрёзного рассказа» и «культово-эротической семантики» (стр. 320).

Неприятнь Фрейденберг к античной сатире объясняется просто. Сатира—это реализм, а реализм совсем не по душе мистически настроенной даме,—она неоднократно откровенно об этом заявляет.

К сатире она относится отрицательно, так как это—литература

«реалистических жанров, установка которых—изображение грязной и низменной стороны жизни: это так называемый вульгарный реализм» (стр. 306).

Лукиан ей не нравится потому, что его рассказ о богах «реалистически пошл и обличителен» (стр. 320).

Реализм, по мнению Фрейденберг, вульгарен и пошл, «комедия и реалистический жанр живут шаржем и цинизмом», в реализме получают «особое смакование» грязные стороны жизни. Вот ее изумительное по нелепости и безграмотности «определение» античного реализма:

«весь античный реализм в целом есть классовая условность, понимающая его как нечто, лишенное красоты и величия, смешное, обезображенное чрезмерной характерностью»... (стр. 310)

«Низменному» реализму Фрейденберг противопоставляет литературу, содержащую

«черты необыкновенной возвышенности, которая оказывается обращенной (как это бывает и в лирике) к религии» (стр. 320).

Отрицание классической литературы, ее лучших произведений сочетается у Фрейденберг с проповедью мистицизма. Даже в «Декамероне» Боккаччо Фрейденберг «открыла» мистическую сущность, а о древних греках с их жизнерадостным, светлым мировоззрением, представлявших, по выражению Маркса, прекрасное детство человечества, Фрейденберг пишет, что сознание их было «насквозь религиозно».

Каким образом эта вреднейшая книга, защищающая идеалистические взгляды, откровенно проповедующая невежество и пытающаяся обосновать необходимость отказа от культурного наследия прошлого, оказалась изданной Государственным издательством? Как мог подписать к печати эту книжку ее отв. редактор т. Л. Цырлин? Как могло случиться что именно за это произведение автор получил ученую степень? С каких пор научная ценность работы определяется количеством ссылок в ней на литературу и примечаний? С каких пор научные считаются враждебные марксизму теории?

Кстати, об отзывах ученых специалистов, загнипотирировавших высшую аттестационную комиссию Наркомпроса РСФСР. Профессор Франк Каменецкий, писавший о диссертации Фрейденберг, как об «исключительно цен-

ном достижении советского литературоведения», видимо, придерживается тех же взглядов на литературу, что и Фрейденберг. Академик Жебелев в своей рецензии оговаривается, что он «профан в той области знания, которой сочинение посвящено». Почему же он отзывается о работе одобрительно? Такая организация аттестации научных работ в Наркомпросе РСФСР вызывает серьезное беспокойство.

Было бы, конечно, смешно предполагать, что «идеи» Фрейденберг могут найти сколько-нибудь широкое распространение среди советских читателей. Наша страна—единоственная в мире, в которой весь народ читает, знает, любит бессмертные произведения классиков. Поэмы Гомера, драмы Шекспира читают миллионы трудящихся. Попробуйте сказать любому комсомольцу, что Гомер писал бессмыслицы, что суть драмы Шекспира в разбивании посуды,—он засмеет такого «ученого»!

Народ социалистической страны по праву считает себя подлинным, законным наследником всего лучшего, что создала человеческая мысль на протяжении многовековой истории человечества. И поэмы Гомера,—пусть его отделяют от нас тысячелетия,—мы тоже включаем в сокровищницу нашей культуры. Мы помним замечательные слова Маркса о Гомере, о древней Греции:

«И почему детство человеческого общества там, где оно развилось всего прекраснее, не должно обладать для нас вечной прелестью, как никогда не повторяющаяся ступень?»

ОТ РЕДАКЦИИ: 16 августа в нашей газете была напечатана корректура Д. Краминова «Быть?», в которой говорится о гополучном положении в Ленинградском институте философии, литературы, лингвистики и истории. Та же статья о книге Фрейденберг показывает, какие кадры воспитывал Ленинградский институт философии, литературы, лингвистики и истории и какие «научные» труды он выпускал. Книга Фрейденберг—диссертация на степень доктора литературоведения—вышла под эгидой этого института. Что же думать обо всем этом Наркомпрос?

¹⁾ «Поэтика сюжета и жанра» (периодический журнал «Литературное наследство», Государственное издательство «Художественная литература», Ленинград—1936 г.